Время и место современного коллективизма

Николай Афанасов

Институт философии Российской академии наук (Москва)

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Аннотация. Статья обращается к проблеме сохранения, поддержки и развития коллективизма как традиционной духовно-нравственной ценности. В современном обществе, нормативной основой которого стали принципы индивидуализма, то есть первичное преследование своих собственных интересов, а не интересов группы, утвердилось понимание феномена и понятия коллективизма как исторических и устаревших. Автор показывает, что это представление не соответствует действительности и не отвечает задачам текущего времени. На теоретическом уровне коллективизм и индивидуализм не являются независимыми друг от друга сущностями. Между ними существует определенный баланс, соответствующий адаптивным потребностям к ситуации конкретного общества в конкретное время. Противостояние двух систем в XX веке значимо изменило баланс между коллективизмом и индивидуализмом в пользу последнего. Несмотря на натурализацию индивидуалистического дискурса, этот сдвиг не был предрешен, а был произведен. Статья последовательно обращается к трем сюжетам: соотношению понятий коллективизма и индивидуализма в перспективе социальной теории второй половины XX века; основаниям капиталистического индивидуализма; наконец, к возникающим на основе дисбаланса между коллективизмом и индивидуализмом времени и месту для осознанного коллективизма. Лежащий в основе современного капитализма индивидуализм оказывается противоречивым для самого существования общества, его гармоничного развития и достижения тех целей (свободная самореализация), которые декларируются в качестве основных. Сложившаяся ситуация открывает возможности для осознанного обращения к ценностям коллективизма, которые из исторических превращаются в современные и предоставляют самому человеку возможности реализовать себя.

Ключевые слова: коллективизм, ценности, свобода, самореализация, традиция, современность, капитализм, человек.

Для цитирования: *Афанасов Н.* (2025). Время и пространство современного коллективизма // Patria. Т. 2. № 1. С. 9–30.

doi: 10.17323/patria.2025.26576

Time and Place for Modern Collectivism

Nikolay Afanasov

Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy (Moscow)

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Abstract. The article considers the problem of preserving, supporting and developing collectivism as a traditional spiritual and moral value. In modern society the principles of individualism have become the normative basis, i.e. the primary pursuit of private rather than group interests, thus the understanding of the phenomenon and concept of collectivism as historical and outdated has become widespread. The author shows that this idea does not correspond to contemporary reality and does not meet the challenges of the current time. On a theoretical level, collectivism and individualism are not independent entities. There is a certain balance between them, corresponding to the adaptive needs to the situation of a particular society at a particular time. The confrontation of the two systems in the 20th century significantly changed the balance between collectivism and individualism in favor of the latter. Despite the naturalization of individualistic discourse, this shift was not a foregone conclusion, but was created. The article consistently addresses three subjects: the relationship between the concepts of collectivism

and individualism in the perspective of social theory in the second half of the 20th century; the foundations of capitalist individualism; finally, to the time and place for modern collectivism that arise from the imbalance between collectivism and individualism. The individualism as a basis of modern capitalism turns out to be contradictory for the very existence of society, its harmonious development and the achievement of those goals (free self-realization) that are declared as the main ones. The current situation opens up opportunities for a conscious appeal to the values of collectivism, which transform from historical to modern and provide the person with the opportunity to self-express.

Keywords: collectivism, values, freedom, self-realization, tradition, Modernity, capitalism, human being.

For citation: Afanasov N. (2025) "Time and Place for Modern Collectivism", *Patria*, vol. 2, no. 1, pp. 9–30.

doi: 10.17323/patria.2025.26576

Коллективизм как традиционная духовно-нравственная ценность относится к феноменам и понятиям, анализ и интерпретация которых современной мыслью представляет большую сложность. Сама идея — или то, что понимается как комплекс идей и следствий, связанных с коллективизмом, — становится предметом критики и споров не из-за того, что она по каким-то объективным причинам плоха. Сама дискуссия, как будет показано в ходе рассуждения, имеет преимущественно исторические основания, особое представление о социальной динамике. Часто коллективизм даже не рассматривается как нечто заслуживающее внимания и актуальное, поскольку социальное воображение современной западной социальной теории отбрасывает за ненадобностью любые схемы, которые ставят под сомнение примат индивидуализма: «"Не-индивидуального" человека, человека, который бы не совершал свободного выбора, заботясь о собственной идентичности, о собственном благосостоянии и удовлетворении, мы просто не можем по-настоящему вообразить. Он не находит никакого отклика в нашем собственном жизненном опыте. Это монстр, нелепость» (Бауман, 2021: 17).

Распространенность и риторическая сила подобных мнений умножаются способностью авторов, их излагающих, к убеждению — и, конечно же, нашим собственным опытом как людей, сопричастных всемирной цивилизации индивидуалистичного потребления. Важно, что подобные мнения находят отклик и в самих людях, которые читают работы по социологии и социальной философии. Целесообразность существования коллективизма как нормативной установки в обществе, устроенном на основе современных принципов, отрицается, а коллективизм, о важности которого пойдет речь в нашем исследовании, становится фигурой умолчания. Подразумевается, что он был, где-то даже сохраняется, то есть отчасти «есть» и «значим», но базовая модернизационная теория считает его препятствием, которое со временем отправится на свалку истории.

Дихотомия «традиция — современность», которая на протяжении последних десятилетий оставалась доминирующей установкой при анализе динамики общественного развития, прочно увязывает коллективизм с первой, а индивидуализм — со второй. Многие другие социальные и культурные феномены были поспешно подвергнуты разрушительной критике

в последние десятилетия; коллективизм ждала та же участь. Консенсусная историческая оценка явления подразумевает, что на определенных стадиях развития коллективизм был неизбежен, поскольку гарантировал успешное функционирование общества в условиях непредсказуемых рисков, связанных с природными условиями и недостаточным техническим могуществом (Bardhan, 2000: 848–850). Наиболее ярким — но далеко не единственным — примером служит возведение национального менталитета и национальной традиции народов Восточной Азии к необходимости коллективного возделывания рисовых полей, что требовало титанических усилий всего сообщества на протяжении длительного периода времени. Подобные подходы распространены и в отношении русской общины, служившей в том числе и страховкой от неизбежных неудач в зонах сурового климата и рискованного земледелия. Многие исследования описывают историческую динамику XX века как модернизацию. И отношение «коллективизм — индивидуализм» прочно увязывается, соответственно, с «аграрным обществом — индустриальным обществом» и еще одной важной парой, «традиция — современность». Эта оптика в большей степени была задана странами, которые первыми совершали переход от коллективизма к индивидуализму как господствующей установке. Так, силам капитала, часто при посредстве мощи авторитарных или тоталитарных государств, приходилось ломать традиционный коллективистский уклад жизни, освобождая сцену для динамики (потребительского) индивидуализма.

По мере того, как на условных «полях» появлялось все больше средств механизации, в странах разворачивались процессы урбанизации, а фокус экономической деятельности смещался на производительного урбанизированного субъекта, способного обеспечить требуемый уровень потребления, ценность общественного устройства, основанного на принципах коллективизма, все чаще ставилась под сомнение. Коллективизм должен был отойти на второй план по мере замещения традиции современным социальным устройством. Сегодня мы знаем, что это упрощенный взгляд, поскольку традиция не только не отмирает, но иногда и возвращает себе казавшиеся давно потерянными позиции. Это обстоятельство становится приглашением к размышлению и настоящему философскому творчеству, в котором аналитическая работа может приводить к результатам, которые при более узком взгляде отметаются до начала всякого рассмотрения.

Традиционная ценность коллективизма требует комплексного и определенным образом ориентированного рассмотрения, поскольку основа мира, единственно претендующего на современность в рамках темпорально обусловленной и локализованной эпистемической слепоты социальной теории, выстраивается вокруг свободно действующих и независимых индивидов, самостоятельно выбирающих траектории своих действий и стратегии потребления:

> Ценностные установки либерального индивидуализма отражают направленность индивида на саморефлексию и самосовершенствование. Приоритет отдается индивидуальным потребностям личности, свободам и правам человека, которые ставятся превыше групповых или общественных интересов. Ценностные установки консер-

вативного коллективизма отражают направленность индивида на общее благо и стабильность. Групповые или общественные интересы, стремление к сохранению общности и единства социальной группы ставятся превыше индивидуальных потребностей личности (Ракова, 2024: 78).

Под эпистемической слепотой — или отсутствием социального воображения — в данном случае мы понимаем такой фокус, который предлагает рассматривать, по-видимому, менее эффективные с точки зрения капиталистического роста ценности исключительно в историческом контексте.

В статье мы обратимся к исследованию коллективизма не только как исторического и традиционного явления, но рассмотрим его как понятие, ценность и жизнеспособность которого были заданы определенным контекстом, но вновь актуализировались в изменившихся условиях. Коллективизм возник и существовал тысячелетия как реакция на объективные вызовы, способ помочь людям вместе справляться с трудностями. Если эти трудности отошли на второй план — на самом деле, устроенные на основах коллективизма общества просто одержали над ними верх, — то это не значит, что коллективизм с необходимостью утрачивает свои позиции сегодня, в эпоху, назвать которую безоблачной не представляется возможным. Значимая часть проблем современности как раз и порождена ничем не ограниченным индивидуализмом.

Для начала мы предлагаем взглянуть на историческое значение коллективизма сквозь призму социальной теории, то есть обратиться не непосредственно к историческим исследованиям, а к тому общему социально-теоретическому знанию, которое либо дает оценку явлению, либо выступает в качестве эмпирической основы теоретических обобщений. Затем в статье будет предпринято концептуальное обобщение дискурса современного индивидуализма применительно к определенной организации общественно-экономической жизни. Будет показано, что коллективизм продолжает играть значимую роль во многих обществах, в том числе и в российском, а индивидуализм далеко не всегда является положительной характеристикой. В заключительной части мы укажем на противоречия, которые оказываются неразрешимы в обществе, провозглашающем индивидуализм как безусловную и единственную установку, и предложим несколько аргументов в пользу того, что коллективизм — это «современная» традиционная духовно-нравственная ценность и что он сохраняет свое значение, поскольку оказывается тем немногим, что способно помочь справиться с вызовами, которые перед обществом поставила история.

Исторический феномен коллективизма в фокусе теории

Логично, что коллективизм должен предшествовать и быть условием индивидуализма, но как понятия социальной теории они практически современники — и одинаково «современны». Чаще всего явления, которые описываются этими понятиями, в истории мысли получали другие названия; относительно релевантную концептуализацию соответствующие идеи получили только в XVIII веке, а знакомые нам формы теоретических обобщений они приобрели и вовсе во второй половине XIX века (McCombs, 1991). Мы полагаем, что поиск первых опытов их концептуализации срод-

ни попыткам определить истоки капитализма, которые по мере натурализации этой формы хозяйствования сдвигаются все дальше — вплоть до первобытных обществ. Это естественный для социально-гуманитарной науки процесс, в котором настоящее, представляющееся единственно разумным и наиболее совершенным, оказывает решающее влияние на интерпретацию прошлого. Хотя суть этого явления в другом: настоящему оказывается необходимо возвести себя к прошлому и представить как логичное и гармоничное его развитие. Так оно становится абсолютным, охватывая собой весь горизонт видимых событий и получая абсолютную легитимацию за счет претензии на историчность.

Нетрудно представить, что будь перед исследователями поставлена задача найти истоки и первичные формы коллективизма/индивидуализма, то мы достаточно быстро оказались бы в ситуации обсуждения ранних письменных обществ, появления эпического искусства, мировых религий. Мы полагаем, что для концептуализации коллективизма необходима его противоположность — индивидуализм. Поскольку современное общество — нормативно-индивидуалистическое, обнаружить последний как можно раньше — задача сродни поискам первого капитализма. Говоря проще, у нас нет другого выбора, кроме как оценивать героев прошлого как носителей начал индивидуализма, конфликт которых только и может разворачиваться в детерминированном судьбой (и традицией) мире. Примеров такого рода достаточно в любой культуре (от народных преданий и мифов до эпоса и буржуазного романа), а дело состоит в том, чтобы верно интерпретировать действия этих выделяющихся акторов: окажется, что положительных характеристик удостаиваются те, кто подчиняет свои действия общим интересам, а те, кто действуют, исключительно преследуя свои корыстные интересы, — чаще всего отрицательные персонажи.

Перед продолжением нашего рассуждения укажем на необходимость строгого различения коллективизма и традиции, которые часто сопрягаются. Дело в том, что коллективизм, будучи традиционным, не тождественен традиции. Традиция множественна и многообразна, отчасти изменчива. Формы коллективизма — тоже. И это пересекающиеся, а не совпадающие понятия и множества значений. В каждой из традиций существовал или существует элемент коллективизма, что просто-напросто свидетельствует о первичности этого феномена в культуре и человеке. А могло ли быть иначе? По всей видимости, нет никаких оснований утверждать, что сама природа человека как общественного существа была поставлена под сомнение достижениями современной цивилизации. Люди не просто принуждаются к вступлению в социальные взаимодействия, но именно общественная жизнь делает их людьми. В античной философии это было сформулировано еще много веков назад: «Человек вне общества — либо зверь, либо Бог». Многие современные философы — от Ханны Арендт до Джона Ролза и Филипа Петтита — продолжают эту линию размышлений, концептуализируя феномен социальной зависимости.

Соответственно социальная принадлежность и социальная зависимость — это не только то, что обусловлено внешним для человека природным или социальным контекстом, но именно то, что определяет че-

ловека как действующего в обществе, где протекает его жизнь. В основе различных исторических форм общественной жизни лежит естественная потребность, определяемая как внешними условиями, так и внутренней организацией общества. Коллективизм исторически был доминирующим принципом социальной организации. В ключевой работе, осмысляющей современное общество, классик социальной теории Зигмунт Бауман весьма показательно пишет о коллективизме:

> …коллективные, классово-ориентированные действия оказались для тех, кто стоял на *нижних ступенях социальной лестницы* (курсив наш. — *Н. А.*), столь же «естественными» и «обыденными», сколь естественными были для их работодателей индивидуальные поиски жизненных целей. Считалось, что «чрезмерные», если так можно сказать, лишения, породившие понятие «общих интересов», поддаются исключительно коллективному преодолению: «коллективизм» был естественно признан стратегией тех, кто на себе испытал последствия индивидуализации, но не был в состоянии самоутвердиться за счет собственных, им лично контролируемых и явно неадекватных ресурсов (Бауман, 2005: 58).

Несмотря на то что тон ученого остается академическим, нетрудно заметить, что он фиксирует не горизонтальное отношение равных, а вертикально-иерархическое: коллективизм — для нижестоящих и зависимых, индивидуализм — для тех, кто управляет. Это предопределяет восприятие коллективизма, умаляющее его достоинство. Бауман диагностирует неминуемость социальных сдвигов: «Не следует заблуждаться: сейчас, как и прежде, индивидуализация — это судьба, а не выбор: стремление избежать индивидуализации и отказ принимать участие в этой игре явно *не стоят* на повестке дня, если ты оказался на территории личной свободы выбора» (Бауман, 2005: 59). К подчиненному характеру коллективизма в современности добавляется и его историческая «отсталость» — ведь в современности часто новое ценится как абсолютное: «Культ Нового неотступно сопровождает современный индивидуализм: новизна всякий раз находится в фазе стремления к личной независимости. Совершенную моду поддерживает логика капитализма, но также все культурные ценности, поднятые на высоту демократическим состоянием общества» (Липовецкий, 2012: 212). Эти основополагающие соображения прекрасно иллюстрируют наш тезис о том, что современная доминирующая рамка восприятия коллективизма строится на контрасте с представлениями об индивидуализме. Еще более важно, что нарушена связь между феноменами, которые представляются как теоретические и абсолютные противоположности, а не дополняющие друг друга явления человеческой жизни и культуры.

Для российского общества сопряжение традиции (как отсталости) и коллективизма (как неотъемлемой части традиции и соответственно фактора, определяющего отставание) имело трагические последствия. Модернизационные усилия рубежа 1980-х и 1990-х годов определялись тем, что модернизация должна была проводиться по западному образцу, точнее — согласно представлениям о западном образце, которые далеко не всегда соответствовали действительности и совершенно точно не учитывали российских реалий. Доминирующим дискурсом было представление о России как о последней из западных стран, которая должна организо-

вать свое общество соответствующим образом. Эти идеи буквально легли в основу реформистской деятельности, что имело разрушительные социальные последствия:

> Сценарий смены духовной идентичности как часть проекта догоняющей модернизации предполагал, что духовные черты граждан модернизирующегося общества и особенности их обычного поведения, например в России — коллективизм, стойкость, «притерпелость» к тяготам жизни, патриотизм, вера в авторитеты, низкие потребительские ожидания, зависть и неприязнь к богатству, — являются очевидным препятствием развития и процветания страны. Идея смены духовной идентичности укоренилась во всех российских реформах (Федотова и др., 2008: 263–264).

В основе решения о проведении реформ, которые были способны поставить под сомнение саму историческую идентичность российского общества, могла лежать либо абсолютная убежденность в том, что альтернативного пути не существует и цель оправдывает средства, либо комплекс из некомпетентности, высокомерного отношения к собственной стране и ее истории, а то и вовсе следование интересам других агентов (возможно, все эти три «отрицания» связаны и дополняют друг друга). Рассматривать последнее мы считаем нецелесообразным, поскольку, приступая к такому анализу, мы с необходимостью вступаем на территорию теорий заговора, которые столь привлекательны не только для описания российской истории и настоящего, но и в целом для психологической компенсации того, что многое в современном мире абсурдно и постфактум необъяснимо с точки зрения здравого смысла:

> Не существует какой-то точки, из которой управляют спектаклем. Вместе с тем спектакль развивается так, как будто эта точка существует. […] Таким образом, многочисленные теории мирового заговора, образованного правительствами или какими-либо иными силами, распространившиеся в последние десятилетия, можно признать одновременно и истинными, и ложными (Хардт, Негри, 2004: 301–302).

Историк Игорь Побережников пишет, что «программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира […] в качестве альтернативы коммунистической ориентации» (Побережников, 2001: 218). Это важное замечание, поскольку похоже, что в рамках общественной дискуссии, которая выступает связующим звеном между абстрактной теорией и социально-политической практикой, произошло смешение модернизационной теории как *одного из* возможных представлений о ходе исторического процесса с вполне конкретной программой модернизации, имеющей своим истоком политическую волю одного из агентов мирового процесса. Соответственно сила гравитационного поля этой программы влияет и на саму теорию, и на ее восприятие. В случае XX века эта сила оказалась непреодолимой.

В само́й диалогической (славянофилы — западники, красные — белые и проч.) русской культуре было достаточно оснований для того, чтобы принять именно дискурс программы модернизации, по умолчанию не избавленный от идеологической нагруженности. Мы полагаем, что мощнейшая традиция персонализма в русской культуре основана на том же базовом феномене, о котором было сказано в начале статьи: традиционное обще-

ство, коллективистское по своей природе, не предполагает абсолютной статики и неподвижности. Напротив, оно служит средой для появления ярких и выделяющихся людей, создает пространство, в котором ценность индивидуальности только и может раскрыться. Сутью раскрытия индивидуальности становится служение общим интересам, но служение выдающееся. Показательно, что в рамках советского проекта, в первые свои годы ставившего коллективизацию всех сторон жизни во главу угла, со временем произошло смещение в сторону подчеркивания талантов, достоинств и потребностей отдельного человека: «Принудительное единство индивида и коллектива размылось; теперь стали больше и глубже думать, как соотнести личное и общее блага, как их можно связать самым рациональным для партийного государства образом» (Гества, 2018: 65).

Еще одним важным аргументом в пользу того, что в отношении ценностей произошла не только натурализация основанного на индивидуализме дискурса модернизации, является игнорирование основ социалистической модернизации. На момент экспансии западной (американской) теории модернизации страны социалистического блока демонстрировали значимые успехи в модернизации, понятой не как установление определенного ценностного порядка, но как совокупность объективно-фиксируемых социальных, экономических и политических изменений и результатов. По меньшей мере в XX веке модернизация увязывается с переходом к доминированию индустриального способа производства (Побережников, 2001: 217, 220). Сложно упрекнуть социалистический блок в неуспехах налаживания индустриального производства. И впечатляющие результаты советской индустрии были достигнуты в том числе благодаря поддержке и созданию условий коллективистского общества.

Современная типология составляющих (западной) модернизации включает в себя восемь ключевых элементов: рационализм, специализацию труда, политическую централизацию, бюрократию, урбанизацию, фаустовский этос, секуляризм и индивидуализм (McGrath, Corrin, 2025: 4). С нашей точки зрения, этот перечень с самого начала оказывается проблематичным, если считать его основой для критериев модернизации даже в самих западных странах. Во-первых, в контексте нормативности западных обществ для глобализации становится очевидным, что многие не-западные общества достигли «современности», то есть были модернизированы. Можно привести примеры обществ, отвечающих большинству критериев, но не имеющих фаустовского этоса. Сложно упрекнуть Японию в том, что она не современна. Во-вторых, многие из этих современных критериев, взятых из актуального, третьего по счету, издания книги одного из ведущих западных издательств, выглядят удивительно *несовременно*, хотя и воплощают в себе нормативность модерна. Наиболее устойчивыми из списка остаются урбанизация и разделение труда, хотя и последнее ставится под сомнение переходом к гомогенизации трудовых практик, опосредованных компьютерами (Хардт, Негри, 2004: 272–273). Перечислим лишь основные из проблемных позиций списка: рационализм и степени его воплощения в реальности давно поставлены под вопрос; на повестке дня стоит политическая децентрализация; бюрократия

многим скорее видится как препятствие, а не инфраструктура развития; секуляризм остался незавершенным проектом, а современное состояние отношений между обществом и религией многие описывают через постсекулярную оптику (Капуто, 2011), не предполагающую ухода религии как значимого фактора из общественной жизни.

Наше рассуждение не ставит перед собой цели упрекнуть конкретных теоретиков модернизации — тем более что речь идет об обобщающем исследовании — в ошибке или некорректности. Вполне представимо, что перечисленные элементы и многое другое реально были основой и результатом, то есть целевыми показателями, модернизации и в значимой степени реализовались в западных обществах и обществах, модернизировавшихся в XX веке по западному образцу. Идея состоит в другом: релятивизация этих научных результатов должна проходить не по линии корректности/некорректности просто в силу того, что нам по каким-то причинам представляются неудобными эти результаты, а в отношении того, что истинность этих положений имеет временную природу и границы в определенной символической системе. Отрицать реальность свершившейся модернизации наивно именно сейчас. Этот процесс, воспринятый как естественный, на самом деле стал таковым во второй половине XX века, получил вполне определенные характеристики, и ставить его под сомнение нецелесообразно даже тем, кто не является его бенефициаром, поскольку в нем самом есть основа для актуализации коллективизма и традиции. Вышло так, что коллективизм был источником модернизационных усилий во многих обществах, но финальные результаты оказались царством ценностей индивидуализма, о которых пойдет речь в следующей части.

Перечисляя спорные или имеющие значимую альтернативу элементы модернизации, мы сознательно опустили индивидуализм, чтобы после более содержательной аналитической экспликации этого понятия в заключительной части статьи предложить взгляд на то, как в поздней современности, история которой не исчерпывается завершившейся модернизацией, открываются новые пространства для ценностей коллективизма.

Индивидуализм, не ограниченный интересами общего блага

Индивидуализм и коллективизм оказываются важными понятиями для осмысления исторической динамики с точки зрения модернизационных теорий и теорий современности, считающих культурный фактор важным. Как и со многими другими социальными процессами, имеет смысл ограничивать во времени релевантный для умозаключений период производства и самой истории, и рефлексирующей мысли, то есть теории. По мере приближения к настоящему количество доступных нам сведений о нашем прошлом-настоящем (то есть о событиях, которые имеют *непосредственное*, с нашей точки зрения, отношение к тому состоянию, в котором мы находимся сейчас) возрастает. Способность культурной и исторической памяти забывать, без которой мы не могли бы освободить

пространство для действия, вступает в дело позднее. И несмотря на спорный тезис о том, что историческая память — надежный источник, мы можем выделять события, которые оказали наибольшее влияние на формирование существующей конфигурации. Становясь рубежным пунктом наук, натурализация человека в истории завершается:

> Дисциплины обмениваются разнообразными моделями (понимание VS объяснение, синхрония VS диахрония) или навязывают их друг другу. Науки о человеке стремятся захватить проблемные области, закрепленные за философией, и для этого субстанциализируют язык, труд и жизнь, наделяя их самостоятельным существованием, а философия, в свою очередь, обвиняет эти науки в наивном реализме. […] Здесь рождаются лингвоцентризм, экономизм, историцизм, социологизм, биологизм, психологизм и так далее, претендующие на вскрытие тайно детерминирующих человека и общество сил (Писарев, 2024: 16).

Для нашей современности — как на практике, так и в теории — таких рубежных событий несколько. Первое — это даже не событие, а череда событий. Речь идет об окончании Второй мировой войны и формировании двухполюсной мировой системы, одной из частей которой стал капиталистический Запад, принявший политическую и культурную гегемонию США как одного из победителей в войне в обмен на экономическое процветание и безопасность. Марксистские социальные теоретики М. Хардт и А. Негри, рассуждая о сложившемся во второй половине XX века порядке символической власти, констатируют: «Программы экономического возрождения, инициированные после Второй мировой войны, на самом деле вынудили все ведущие капиталистические государства — и выигравших войну союзников, и страны, потерпевшие поражение, — принять экспансионистскую модель дисциплинарного общества, в соответствии с принципами Нового курса» (Хардт, Негри, 2004: 230). Несмотря на то что философы отстаивают точку зрения, согласно которой пространство современного мира постоянно детерриториализируется, а его центр перемещается, исток этого центра вполне конкретный, и его место проистекает из результатов событий, имевших место «на земле»:

> На вершине пирамиды находится единственная сверхдержава, США, удерживающая гегемонию в использовании силы в глобальном масштабе, — сверхдержава, которая может действовать самостоятельно, но предпочитает выступать совместно с другими государствами в рамках Организации Объединенных Наций. Этот уникальный статус был обретен Америкой с окончанием холодной войны и был впервые подтвержден ею в ходе войны в Персидском заливе (Хардт, Негри, 2004: 290).

Исход противостояния систем в XX веке не был предопределен: как бы об этом ни говорили сегодня, но тогда это было хорошо известно обеим сторонам. Мы также знаем, что формирование глобальной гегемонии, построенной на экспорте организационной и культурной гомогенизации из Северной Америки, стало возможным только после распада Советского союза и демонтажа Восточного блока. Ретроспективный взгляд выделяет в череде событий, которые происходили в те годы, одно символическое: падение Берлинской стены. В наши намерения не входит преуменьшать фактическое значение открытия свободного перемещения между Запад-

ным и Восточными блоками, но куда важнее то культурное и идеологическое значение, которое приобрели те события.

Показательно, что теоретический двойник реального мира начал активное использование понятия «глобализация» именно в те годы: «На самом деле, широкое использование этого термина («глобализация». — *Н. А.*) началось только после падения Берлинской стены в 1989 году» (Robertson, White, 2007: 55). Ключевой интеллектуал последней четверти XX и начала XXI века, Милтон Фридман, в предисловии 2002 года к своей книге «Капитализм и свобода» со всей уверенностью пишет о тектоническом сдвиге общественного мнения относительно роли рынка и государства:

> Общественное мнение получило дополнительный толчок для развития в том же направлении после падения Берлинской стены в 1989 году и распада Советского Союза в 1992-м. Так пришел к драматическому концу семидесятилетний эксперимент соревнования двух альтернативных способов организации экономики: сверху вниз vs. снизу вверх, социализма vs. капитализма. Результаты этого эксперимента были предсказаны аналогичными экспериментами меньшего масштаба: Гонконг и Тайвань vs. материковый Китай, Западная Германия vs. Восточная Германия, Южная Корея vs. Северная Корея. Но потребовались драма Берлинской стены и распад СССР, чтобы сделать эти результаты достоянием житейской мудрости, и теперь мало кто сомневается, что централизованное планирование — это действительно «дорога к рабству», как озаглавил свою блистательную полемическую работу 1944 года Фридрих А. Хайек (Фридман, 2006: 13–14).

Как это часто бывает в истории, событийная история выступает в качестве основания для теории истории, которая, будучи теорией, имеет обязательные практические импликации. Так, события последних 75 лет выстраиваются в красивый и логичный нарратив, экономящий мышление: сама мировая история предоставила площадку для соревнования двух систем — капиталистической (индивидуализм) и социалистической (коллективизм), где одна сторона одержала верх над другой. Современная Россия, будучи государством, которое в 1990-е годы приняло вектор западного развития, стала просто-напросто частью первой системы в ущерб своей уникальности и собственным перспективам, о чем с болью писали отечественные философы:

> Если Россия действительно прочитает Зиновьева, то она поймет, что ей не надо стремиться быть такой, как Швеция или Португалия, занять такое же место в мире, какое занимают США и Западная Европа (потому что это место уже занято), и не надо поворачиваться в сторону Китая или кого-то еще, ей надо оставаться Россией и осознать саму себя, каковой она была в пору своего наивысшего расцвета в советскую эпоху (Гусейнов, Павлов, 2022: 13).

В общественном мнении социализм-коллективизм был дискредитирован в значимой степени, что служит одним из объяснений того факта, что при оценке значимости традиционных духовно-нравственных ценностей в среде молодежи «коллективизм» занимает последние строчки: «Абсолютное большинство респондентов (более 80%) поддерживают общечеловеческие ценности, среди которых особенно выделяется ценность жизни (88%). Сравнительно менее актуальными, по мнению опрошенной молодежи, являются ценности коллективизма (71%) и приоритета духовного над материальным (69%)» (Груздев, Старцев, 2024: 79).

Тем не менее мы не склонны абсолютизировать значимость исторического фактора в формировании (ценностной) картины мира современного россиянина. Он значим постольку, поскольку сформировалась определенная мировоззренческая рамка, в основе которой лежит *и* ситуация, *и* ее описание. Строительство капиталистического благосостояния, ключевые теоретики которого особенно подчеркивали значимость индивидуализма, требовало определенной адаптации: «…из — безусловно многочисленных — отличительных черт современной свободы с социологической точки зрения особенно интересны две: ее тесная связь с индивидуализмом и ее генетическая и культурная связь с рыночной экономикой и капитализмом» (Бауман, 2021: 70). И хотя постфактум стало известно, что коллективистские ценности также играли значимую роль в капиталистическом развитии (Лебедева, Татарко, 2007: 9–10), в активной стадии процесса требовалась негативная сила индивидуализма. Именно поэтому этот нарратив стал основополагающим и, что важнее, не имел противовеса тому, что происходило «после». Неслучайно, что в исследовании Груздева и Старцева представленные показатели были получены при работе с молодыми людьми. В старших возрастных группах ценностные маркеры, связанные с коллективизмом, представлены в большей степени (Ракова, 2024: 84).

Общее справедливое беспокойство по поводу смещения ценностных ориентаций российского общества, поколенческая смена в котором неизбежна в силу естественных причин, основано не только на особенностях исторической ситуации в ее динамике, то есть на совершенно особых условиях перехода к капитализму и болезненного демонтажа советских институтов. Результатом этого стала значимая поведенческая гомогенизация (не только) молодых россиян и их сверстников по всей планете. Важны особенности поколения, чья социализация обусловлена в том числе свершившейся цифровой революцией. Обобщающее исследование американского психолога Джин Твенге показывает, что цифровые формы жизни замещают все привычные формы социальных взаимодействий, большинство из которых происходит онлайн. В результате у молодого поколения необходимые для коллективного действия навыки формируются в меньшей степени (Твенге, 2019: 73, 81, 100). Базовой становится нарциссическая установка, когда во главе всего стоит «Я», но важнее то, что цифровая инфраструктура позволяет носителям этой установки успешно существовать. В значимой степени — если отложить в сторону вопрос об определении поколенческих границ — целый ряд возрастных групп россиян вписывается в эту логику:

> …было подтверждено, что миллениалы наиболее активны среди всех взрослых поколений в использовании гаджетов и Интернета. Но при этом решающий, в какой-то мере переломный количественный скачок произошел, скорее, в предшествующем реформенном поколении, которое уничижительно называют «цифровыми иммигрантами» в отличие от «цифровых аборигенов»-миллениалов. Представители реформенного поколения успели весьма успешно «иммигрировать» в цифровое пространство. И этот вывод был также подтвержден результатами широких международных исследований в отношении доли владельцев смартфонов в 18 развитых странах (Радаев, 2020: 41).

Другими словами, индивидуалистичные цифровые практики — это не только прерогатива самых молодых россиян; цифровая революция индивидуации затронула всех.

Цифровизация повседневности, напрямую связанная со смещением поколенческих ценностей, тем не менее не может быть главной причиной этого сдвига. Мы являемся свидетелями динамически развивающейся ситуации, когда технические средства, которыми являются цифровые технологии, могут выступать катализаторами того или иного общественного отношения. Новые технологии могут порождать и новые эффекты — но в случае с ценностями нам до настоящего момента не было предоставлено подобных примеров. Соответственно в вопросе традиционных духовно-нравственных ценностей цифровые технологии могут выступать тем, что влияет на баланс, но не тем, что уничтожает или порождает ценности. В таком случае нам нужно взглянуть на то, как цифровизация продолжила логику современности. Это покажет пространство свободы в выборе и ответственности, уверенность в отсутствии которых была буквально натурализована на ограниченном промежутке времени (1970–2010-е годы).

Но что в таком случае происходит с коллективизмом? Исходя из вышесказанного, получается, что эта ценность вытесняется индивидуализмом — и все выглядит так, будто это естественное положение вещей. Коллективизм выступал фактором общественного накопления богатства и создания институтов, а затем оказался не нужен, поскольку общество достигло значимой степени благосостояния. Мы полагаем, что ситуация сложнее простой обратно пропорциональной зависимости между распространением ценностей коллективизма и индивидуализма в обществе. Исследователь Людмила Баева справедливо замечает: «Коллективные переживания, знания, устремления, сформировавшиеся под влиянием деятельности *личностей, обладающих высоким уровнем духовного развития* (курсив наш. — *Н. А.*), для большинства оказываются не ограничением свободы, а обогащением внутреннего бытия обыденно-мыслящего субъекта систематизированным надындивидуальным знанием» (Баева, 2024: 15–16). Эти личности, о которых идет речь, тоже индивидуальности, не соответствующие примитивному представлению о коллективизме.

Индивидуализм противостоит в теории коллективизму, поскольку для постоянного обновления, которое лежит в основе принципов современности, необходима соответствующая негативность и отрицание, выступающие двигателями социальной динамики. Так, даже если *современный* коллективизм, на самом деле, не противоречил ценностям индивидуализма, а делал их возможными и дополнял, историческая риторика от Милтона Фридмана до сторонников культа великих людей апеллирует к тому, что индивидуализм — это наше будущее. Будучи доминирующим принципом западного мира, сам индивидуализм требует обновления, то есть это не просто набор каких-то принципов, по умолчанию выступающих антагонистами коллективизма (приоритет личных интересов над групповыми vs. приоритет групповых интересов над личными). В своем актуальном виде описание характеристик нового индивидуализма фак-

тически сближается с тем, как социальные теоретики характеризуют современность: «…непрестанное внимание на *переизобретение самого себя*; неутолимая жажда *постоянного изменения*; завороженность социальной *акселерацией*, *скоростью* и *динамизмом*; а также поглощенность *скоротечностью* и *эпизодичностью*» (Elliott, 2013: 190–191).

Потребность в современном коллективизме

В этой части, отталкиваясь от предыдущего изложения, мы планируем предложить несколько аргументов в пользу, во-первых, возможности изменения мышления о коллективизме и индивидуализме, а во-вторых — необходимости этого действия. Современный мир, к которому принадлежит и Россия, в своем развитии с необходимостью опирается на теоретические представления о том, как должно происходить историческое и социальное движение, о его направлении. Одна из основных проблем — в том, что многие теории и даже претендующие на нейтральность взгляда теоретические оптики оказываются укоренены в национальных культурах и традициях. Даже если эти традиции, как американская, претендуют на всеобщность и универсальность (Хардт, Негри, 2004: 164), это не означает, что эти теории по умолчанию истинны и приложимы к другим контекстам. Несмотря на высокую степень гомогенизации у представителей молодого поколения, сам «естественный» контекст жизни многих обществ не поддается гомогенизации. Это тема для отдельного рассуждения, а пока предложим такое сравнение: соотношение ценностей индивидуализма или коллективизма в большой стране, окруженной враждебными соседями и с населением, сосредоточенным в нескольких крупных городах, будет отличаться от соотношения ценностей в небольшом государстве, не имеющем территориальных споров, население которого приблизительно равномерно рассредоточено в большом количестве небольших городов и сельской местности. Но, как мы надеемся показать, значение имеют не только аргументы «от места», но и аргументы «от времени».

Прежде чем приступить к локализации индивидуализма во времени, подчеркнем, что тот индивидуализм, который мы локализуем, является современной установкой, которая сформировалась в результате определенных общественных трансформаций. Впоследствии, пользуясь правом смотреть с высоты истории, именно они определили то, как мы стали воспринимать индивидуализм. Говоря проще, индивидуализм как понятие и феномен XIX века отличается от интерпретаций индивидуализма в XXI веке. При этом проблематизация понятия не входит в приоритетные задачи современной культуры, поскольку она декларативно основывается на индивидуалистических и неолиберальных принципах (Marttila, 2013). Это ее априорные посылки.

Индивидуализм претендует на то, что только общество, состоящее из людей, пекущихся прежде всего о своих собственных интересах, может быть конкурентоспособным в современном мире. Сегодня идея мирового сообщества как основы функционирования общественно-политических образований далека от реализации. В основе этого ви́дения находится

множество аргументов, выдвинутых на протяжении истории (от Бернарда де Мандевиля до Джордана Питерсона; хотя, возможно, что ключевую роль в продвижении и отстаивании идеи сегодня играют экономисты), но нас будут интересовать два соображения, которые имеют отношение непосредственно к современности. Так, 1) предполагается, что индивидуализм является единственной формой ценностного сознания в обществе, устроенном на капиталистических принципах; 2) развитие и прогресс возможны только как продолжение институционально заложенных конфликтов в обществе.

В качестве комментария к первому соображению мы хотели бы отметить, что это упрощенный взгляд на природу экономического мышления, который черпает свой исток из дискуссий, разворачивавшихся на протяжении всего XX века в условиях противостояния двух систем и ангажированности многих интеллектуалов. Сегодня основанный на потреблении капитализм (Павлов, 2023: 206) победил в планетарных масштабах, и перед интеллектуалами не стоит задача обоснования его преимуществ перед социализмом. Вместо этого фокус смещен на трансформацию самого капитализма:

> В качестве представителей класса носителей знаний — по логике своего социального положения, если не по свободному выбору, — интеллектуалы обычно рассматривают социальную целостность так, чтобы сделать собственный образ деятельности и жизни центральным для функционирования общества; более того, теоретические модели, которые они производят, обычно изображают общество как социальную целостность, увиденную в перспективе тех задач, которые возложены на класс носителей знаний и ставятся этим классом (Бауман, 2021: 51–52).

Господство капиталистического способа общественной организации как единственно возможной не может быть признано в качестве финальной точки нашей истории. Противоречия, порождаемые капитализмом, столь велики, что даже если отбросить представления о том, что он с необходимостью будет сменен другим устройством, допустить, что он сохранится в таком же виде, невозможно. Техническая мощь современных средств производства и потребления такова, что капиталистическая эксплуатация планеты угрожает воспроизводству самой жизни, не говоря уже о справедливом устройстве общества. Это большая и отдельная тема или «дискурс», которые на сегодня уже хорошо известны и стали общим местом (Sklair, 2016: 22). В наши задачи здесь не входит придерживаться какой-либо из позиций, но в чем мы точно уверены — так это в том, что актуальный капитализм нельзя назвать беспроблемным или решающим все наши проблемы приемлемым образом.

Даже этого тезиса достаточно для того, чтобы очертить пространство для актуализации ценностей коллективизма. Если совокупность автономно действующих потребителей, руководствующихся ценностями индивидуализма — то есть приоритетом не только своих стремлений, но и своего «желания» над остальными (Бауман, 2021: 78), что должно уравновешиваться рыночными механизмами и ограниченностью ресурсов, — представляет собой движущую силу общества, то в перспективе это окажется губительным для самого общества. Неограниченные потребности

не могут быть удовлетворены, а стремление к их удовлетворению лишь порождает большее желание, поскольку его суть не в приобретении блага, а в приобретении различия (Бауман, 2021: 21). В этом замкнутом круге не остается места заботе о воспроизведении того, что вообще может обеспечивать удовлетворение от воплощения желаний. И в данном случае речь идет не только о природной окружающей среде, но и об обществе в целом. Предельный индивидуализм, помноженный на мощь цифровых технологий и структурное неравенство, упраздняет саму возможность того, что является реализацией своих собственных интересов. В пустыне социального, которую оставляет за собой алгоритмическая гувернаментальность (Rouvroy, Berns, 2013), индивидуализм в конечном счете окажется бессмысленным, поскольку не останется тех, чье мнение могло бы быть воспринято как фиксация признания/различия.

По всей видимости, уже сегодня в наиболее развитых в экономическом отношении обществах многие представители финансовой элиты подошли к тому, чтобы утратить всякий смысл своей деятельности кроме личного обогащения и практик цинизма. Показательно свидетельство экономиста Джеффри Сакса об общении с представителями американской финансовой элиты:

> Знаете, я сейчас часто вижусь с этими людьми на Уолл-стрит... я их знаю. Это люди, с которыми я обедаю. И я скажу совершенно прямо: там нездоровая моральная среда. [Эти люди] не считают себя обязанными платить налоги, не чувствуют ответственности перед клиентами, ответственности перед контрагентами по сделкам. Они грубые, жадные, агрессивные, у них действительно нет тормозов, и эти люди здорово надули всю систему. Они искренне считают, что у них есть Богом данное право брать сколько угодно денег и делать это любым способом, законным или незаконным (Гребер, 2020: 47).

Подобное отношение к миру и обществу сложно назвать внутренне согласованным и опирающимся на ценности. Оно опирается на их эрозию. Создавая пространство неравенства, в котором достижения и богатство оторваны от справедливого способа их достижения, этот крайний индивидуализм упраздняет то, что им двигало: возможность признания. В данном случае речь идет об отсутствии ценностей, и достаточно сложно определить, является ли крайнее смещение баланса между коллективизмом и индивидуализмом синонимичным их обоюдному упразднению в качестве ценностных установок.

В начале нашего изложения мы писали о том, что коллективизм и ценности коллективизма часто увязываются с традиционным земледелием. Должно быть, история расцвета, упадка и новой актуализации коллективизма в контексте развития сельского хозяйства была бы интересным исследованием. В буквальное подтверждение нашего тезиса о том, что коллективизм как принцип социальной организации приобретает новую актуальность в мире, исследователи пишут, что усилившаяся в результате либерализации конкуренция в сельском хозяйстве вынуждает производителей прибегать к коллективистским стратегиям для отстаивания своей конкурентоспособности. Только взаимозависимость и преследование общих целей становится способом устоять (Hannachi et al., 2020).

Логично задать вопрос: не послужило ли причиной такому положению дел смещение баланса между индивидуализмом и коллективизмом? Мы считаем, что именно это лежит в основе ценностного кризиса, который охватил современное общество. Такое положение не может существовать в сколь бы то ни было долгосрочной перспективе, поскольку оно губительно для самой социальной системы, то есть создает такие противоречия, которые неизбежно, под угрозой символического или физического уничтожения, вымирания, приводят к реформированию системы. Конкуренция двух систем на протяжении XX столетия была фактором развития, поскольку принуждала капиталистический блок к трансформациям (Хардт, Негри, 2004: 166–170, 228–231) и служила фактором гуманизации и либерализации в социалистическом мире. В отсутствие этой конкуренции саморазрушительные тенденции могут возобладать над созидательными. Во избежание этого должно происходить обращение к многообразию моделей организации общества, то есть к национальной традиции.

Обсуждение такой традиционной ценности как коллективизм сталкивается с необходимостью предварительной расчистки площадки. В своем исходном виде коллективизм — не самый желанный гость в прекрасно организованном потоке обсуждения достоинств и недостатков индивидуализма, его истоков и последствий. Но ключевое, что осталось за границами соответствующих обсуждений, — продолжение истории. Яркое, но ситуативное торжество индивидуализма в условиях эйфории от победы капитализма и окончательной натурализации этого способа хозяйствования заслонило динамику процесса. Победа капиталистического индивидуализма создает те проблемы, которые не могут быть решены без апелляции к национальным традиционным духовно-нравственным ценностям. Только они могут выступить сдерживающим противовесом разрушительных тенденций. Сегодня российское общество как раз и находится перед необходимостью актуализации коллективизма в современном ключе. Это одновременно и место, и время для современных ценностей коллективизма.

Заключение

Мы преследовали основную цель: показать, что коллективизм как традиционная духовная и нравственная ценность имеет все основания для реактуализации в современности. На самом деле, коллективизм никогда не утрачивал своего исторического или ценностного значения: это базовая ценность для функционирования общества. Позиции коллективизма были подорваны легковесными представлениями о том, что капиталистическая динамика, двигателем которой выступает индивидуалистическое потребление, нивелирует потребность в скоординированном и основанном на ценностях действии, которое имело бы в основании общее, а не частное благо. В основу этой исторической аберрации легли события второй половины и самого конца XX века — времени «конца истории». По мере того как эйфория конца истории в интересах лишь части мирового сообщества сама создает противоречия, вновь приводящие в движение исторический

процесс, компрометируют себя и те ценности, которые должны были занять место регулятивов общественной жизни — тех регулятивов, важнейшим из которых ранее был коллективизм.

В индивидуализме как таковом нет ничего плохого. Более того, индивидуализм и коллективизм тесно связаны — так же, как современность и традиция. Предельный коллективизм был бы столь же плох, как и актуальный перекос в сторону индивидуалистического мировоззрения. Представление о том, что одно должно уступить место другому, противоречиво, потому что в таком случае теряется смысл и значение самого перехода и нового статуса. Речь идет о балансе, который был значимо смещен в сторону индивидуалистических ценностей. Такова была ситуация на протяжении нескольких последних десятилетий — или наше представление о ней. Сегодня она, очевидно, изменилась: нарушение общего баланса между коллективизмом и индивидуализмом создало такую конфигурацию, которая угрожает не только благополучию общества, но и ставит под угрозу весь мир. Так возникает новое пространство и время для обращения к традиционным ценностям.

Инфраструктура и характерные черты социального, к которым сегодня относятся цифровизация, высокий уровень желаемого благосостояния, атомизация, потребность в отличии, часто выступают как аргументы в пользу неизбежности индивидуализма. Мы полагаем, что это не содержательные, но формальные аспекты общества, которые могут выступать как проводниками индивидуализма, так и основой для современного коллективизма. Поколенческий разрыв важен, но не абсолютен:

> Также возможен сценарий, при котором с переходом к этапу зрелости личности у нынешней российской молодежи произойдет переоценка ценностей и этико-моральных принципов в контексте замещения ценностей либерального индивидуализма ценностями консервативного коллективизма, что будет соответствовать наблюдаемым тенденциям среди старшего поколения россиян сегодня, способствовать интеграционным процессам в обществе и укреплять его консолидирующий потенциал (Ракова, 2024: 84–85).

Говоря проще, коллективизм современен и своевременен. В этом нет никакого парадокса. Более того, в истории нашей страны есть примеры того, как сверхсовременность (в 1920-е годы) ставила во главу угла именно коллективизм. Речь идет о советском проекте, авангардистском по своей природе, но использовавшем новейшие технические и социальные инструменты (Коткин, 2001), которые на Западе в то время служили основой индивидуалистических ценностей, в интересах поддержки коллективизма. В кризисных условиях коллективистские ценности оказываются гарантией благополучного разрешения социальных конфликтов и решения стоящих перед страной задач. Свобода в таком отношении становится более осознанной, реализует себя через сознательное ограничение своих ситуативных интересов для сохранения общего блага. Историк Марина Клинова на материале исследования представления понятий «коллективизм» и «индивидуализм» в советской периодической печати 1946–1953 годов делает в том числе и такое замечание: «Характерно, что приоритетность общественного, коллективного не нарушала свободы индиви-

да, скорее трактуясь как сама свобода, свобода советского трудящегося как своего рода “общественного деятеля”» (Клинова, 2018: 343).

Сегодня мы должны понять, что индивидуализм сродни сконструированной свободе; он имеет свои истоки в определенном месте и времени: «Изначально социология возникла из опыта западного, современного капиталистического общества и тех проблем, которые этот опыт поставил в повестку дня. […] Свободная воля и уникальность всякого индивида рассматривались как своего рода “грубые факты”, как продукт природы, а не специфических социальных соглашений» (Бауман, 2021: 11–12). Это мысленное усилие открывает пространство для социального воображения, в котором мысль о том, что коллективизм все так же важен и требует не меньшей интеллектуальной поддержки, чем индивидуализм, не кажется такой уж абсурдной. В сущности, становясь осознанным, коллективизм превосходит индивидуализм в возможностях свободной и творческой реализации человека. И в этом может заключаться тот потенциал притягательности, без которого ценности перестают быть собой.

ЛИТЕРАТУРА

Баева Л. В. (2024). Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. Т. 1. № 3. С. 8–22.

Бауман З. (2005). Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос.

Бауман З. (2021). Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое изд-во.

Гества К. (2018). Советский человек. История одного собирательного образа // Вестник общественного мнения. № 1–2 (126). С. 58–79.

Гребер Д. (2020). Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс.

Груздев И. А., Старцев С. В. (2024). Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей // Patria. Т. 1. № 1. С. 70–90.

Гусейнов А. А., Павлов А. В. (2022). «Парадоксальность речей Зиновьева была естественным следствием их истинности». Интервью // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 1–22.

Капуто Дж. (2011). Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. № 3 (82). С. 186–205.

Клинова М. А. (2018). Понятия «коллективизм» и «индивидуализм» в советской периодической печати 1946–1953 гг. // Документ. Архив. История. Современность. № 18. С. 339–346.

Коткин С. (2001). Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европ. ун-т в С.-Петербурге: Летний сад. С. 239–314.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Липовецкий Ж. (2012). Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое лит. обозрение.

Павлов А. В. (2023). «Бойцовский клуб», капиталистическая готика и значение интерпретации // Логос. Т. 33. № 3. С. 165–216.

Писарев А. А. (2024). Несостоявшаяся «смерть человека» Фуко: ее структура, проблемы и актуальность // Человек. Т. 35. № 6. С. 7–30.

Побережников И. В. (2001). Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Т. 4: Евразийское пограничье / под ред. А. Т. Шашкова. Екатеринбург: Волот. С. 217–246.

Радаев В. В. (2020). Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. Т. 26. № 3. С. 30–63.

Ракова К. В. (2024). Консолидирующий потенциал современного российского общества: общительный и нравственно-жертвенный человек // Человек. Т. 35. № 6. С. 70–89.

Твенге Дж. (2019). Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни, и что это значит для всех остальных / пер. с англ. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик.

Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. (2008). Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культур. революция.

Фридман М. (2006). Капитализм и свобода / пер. с англ. В. Козловского, И. Пильщикова. М.: Новое изд-во.

Хардт М., Негри А. (2004). Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской и М. С. Фетисова. М.: Праксис.

Bardhan P. (2000). Irrigation and Cooperation: An Empirical Analysis of 48 Irrigation Communities in South India // Economic Development and Cultural Change. Vol. 48. № 4. P. 847–865.

Elliott A. (2013). The Theory of New Individualism // Subjectivity in the Twenty-First Century: Psychological, Sociological, and Political Perspectives / ed. by R. W. Tarafordi. Toronto: Univ. of Toronto Press. P. 190–209.

Hannachi M., Fares M., Coleno F., Assens C. (2020). The "New Agricultural Collectivism": How Cooperatives Horizontal Coordination Drive Multi-Stakeholders Self-Organization // Journal of Co-Operative Organization and Management. Vol. 8. Iss. 2.

Marttila T. (2013). The Culture of Enterprise in Neoliberalism: Specters of Entrepreneurship. N. Y.: Routledge.

McCombs M. D. (1991). The Moral Philosophy of Individualism: Its History and Relationship with Collectivism // Draftings In. Vol. 6. № 2. P. 29–36.

McGrath J., Corrin J. P. (2025). The Modernization of the Western World // The Modernization of the Western World. 3rd ed. / ed. by J. McGrath and K. C. Martin. N. Y.; L.: Routledge. P. 1–7.

Robertson R., White K. E. (2007). What Is Globalization? // The Blackwell Companion to Globalization / ed. by G. Ritzer. Malden: Wiley-Blackwell. P. 54–66.

Rouvroy A., Berns T. (2013). Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation. Disparateness as a Precondition of Individuation through Relationships? // Réseaux. Vol. 177. № 1. P. 163–196.

Sklair L. (2016). The End of the World or the End of Capitalism? // Global Dialogue: Newsletter for the International Sociological Association. Vol. 1 (March 2016). P. 22–23.

REFERENCES

Baeva L. V. (2024) "Traditional Values: A Concept and Meanings", *Patria*, vol. 1, no. 3, pp. 8–22.

Bardhan P. (2000) "Irrigation and Cooperation: An Empirical Analysis of 48 Irrigation Communities in South India", *Economic Development and Cultural Change*, vol. 48, no. 4, pp. 847–865.

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*, Moscow: Logos.

Bauman Z. (2021) *Freedom*, Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Caputo J. (2011) “How Secular World Became Post-Secular”, *Logos*, no. 3 (86), pp. 186–205.

Elliott A. (2013) “The Theory of New Individualism”, *Subjectivity in the Twenty-First Century: Psychological, Sociological, and Political Perspectives* (ed. by G. W. Tarafordi), Toronto: University of Toronto Press, pp. 190–209.

Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. (2008) *The Global Capitalism: Three Great Transformations*, Moscow: Kul’turnaya revolutsiya.

Friedman M. (2006) *Capitalism and Freedom*, Moscow: Novoe izdatel’stvo.

Gestwa K. (2018) “Soviet Man. History of a Collective Concept”, *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1–2 (126), pp. 58–79.

Graeber D. (2020) *Bullshit Jobs: A Theory*, Moscow: Ad Marginem Press.

Gruzdev I. A., Startsev S. V. (2024) “Renaissance of Tradition: Reception of Traditional Values by Active Youth of Russia”, *Patria*, vol. 1, no. 1, pp. 70–90.

Guseynov A. A., Pavlov A. V. (2022) ““The Paradoxical Nature of Zinoviev’s Speeches Was a Natural Consequence of Their Truth”. An Interview”, *Logos*, vol. 32, no. 6, pp. 1–22.

Hannachi M., Fares M., Coleno F., Assens C. (2020) “The “New Agricultural Collectivism”: How Cooperatives Horizontal Coordination Drive Multi-Stakeholders Self-Organization”, *Journal of Co-operative Organization and Management*, vol. 8, iss. 2.

Hardt M., Negri A. (2004) *Empire*, Moscow: Praxis.

Klinova M. A. (2018) “The Concepts of “Collectivism” and “Individualism” in Soviet Periodics (1946–1953)”, *Document. Archive. History. Modernity*, vol. 18, pp. 339–346.

Kotkin S. (2001) “Modern Times. The Soviet Union in the Interwar Conjuncture”, *Michel Foucault and Russia: A Collection of Essays* (ed. by O. Harkhordin), Saint-Petersburg; Moscow: EU Press: Letnij sad, pp. 239–314.

Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2007) *Cultural Values and Society Development*, Moscow: HSE Publishing House.

Lipovetsky G. (2012) *The Empire of Fashion*, Moscow: New Literary Observer.

Marttila T. (2013) *The Culture of Enterprise in Neoliberalism: Specters of Entrepreneurship*, N. Y.: Routledge.

McCombs M. D. (1991) “The Moral Philosophy of Individualism: Its History and Relationship with Collectivism”, *Draftings In*, vol. 6, no. 2, pp. 29–36.

McGrath J., Corrin J. P. (2025) “The Modernization of the Western World”, *The Modernization of the Western World. 3rd ed.* (ed. by J. McGrath and K. C. Martin), N. Y.; L.: Routledge, pp. 1–7.

Pavlov A. V. (2023) “Fight Club, Capitalist Gothic, and the Meaning of Interpretation”, *Logos*, vol. 33, no. 3, pp. 165–216.

Pisarev A. A. (2024) “Foucault’s Failed “Death of Man”: Its Structure, Problems and Relevance”, *Chelovek*, vol. 35, no. 6, pp. 7–30.

Poberezhnikov I. V. (2001) “Theory of Modernization”, The Problems of Russian History. Vol. 4. Eurasian Borderland (ed. by A. T. Shashkov), Ekaterinburg: Volot, pp. 217–246.

Radaev V. V. (2020) “The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one)”, *Sotsiologicheskiy Zhurnal / Sociological Journal*, vol. 26, no. 3, pp. 30–63.

Rakova K. V. (2024) “Consolidating Potential of Modern Russian Society: A Sociable and Morally Sacrificial Person”, *Chelovek*, vol. 35, no. 6, pp. 70–89.

Robertson R., White K. E. (2007) “What is Globalization?”, *The Blackwell Companion to Globalization* (ed. by G. Ritzer), Malden: Wiley-Blackwell, pp. 54–66.

Rouvroy A., Berns T. (2013) “Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation. Disparateness as a Precondition of Individuation through Relationships?”, *Réseaux*, vol. 177, no. 1, pp. 163–196.

Sklair L. (2016) “The End of the World or the End of Capitalism?”, *Global Dialogue: Newsletter for the International Sociological Association*, vol. 1 (March 2016), pp. 22–23.

Twenge J. (2019) *iGen. Why Today’s Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood — and What That Means for the Rest of Us*, Moscow: RIPOL Classic.